

Синий Гигант

Великан же, что тогда
Власа, коринфян сгубил,
Был гигантом самым старым,
Хоть его бы Красный бил.
Белый сокрушил ту глотку:
Пищи Гусени, оздась,
Воявилась смрадным благом,
и Жегон тот, вознессясь,
Поручил всем Детям Света
(Так нарёклисе черви)
Защищать и: статься в Оникс;
Бездна Света, и... пища:
Страх гиганта был сильнее,
Чем когда-либо в станах
Были пищи у людей, и:
Так, опали лишни серы,
И народ червей восстал
Из личинок в гласе твари,
Что гонимым был; как пал
Синий ненависть не ставил
Во себе той болью стен:
Он страдал, страданья ветхи,
Слабые, и в тех, во ртах
Он явил в себе печали,
Что, всё меньше становясь...
И во сто двенадцать сил
Вопарился он, как младший,
Хоть когда-то был один.
Во гигантах ести силы:
Силы те обличены
Только в слабостях окружных,
И потом размеры те
Увеличивают сдружно

И гордыню, славу, скорбь,
Да гигантовы же скорби
Все сильнее, чем оте:
Скорбь, страдания гиганта
Есть возможности настать
Существом большим и верным,
Сила в том есть друг и враг.
И драконами большими
Эти люди, становясь,
Иногда свершались болью,
Слабостью она звалась;
И когда гиганты пали,
Весь рассудок, помутнясь:
Ведь... точнее, ставши чистым,
Осознал, что вся та грязь,
Что свершилась в мире нашем,
Сокрушила Дух и плоть.
В девятнадцатом же веке
Часть людей настала тем,
И тогда же сила эта,
В человеке оплотясь,
Превратила человеков
Во опухшихся зверей:
Их жиры лоснились салом,
Руки балками срослись,
И ещё три поколенья
Все смеялись-де во их
Внешних плотностях и звеньях:
Человече согрешил,
И тогда слились все силы,
Жиром слабости сдавя:
Через три те поколенья
Во хрящах возникла плоть:
Эта плоть была всеильной,
И гиганты, народясь,

Представляли только ужас,
И сменялись со тем:
Да сменялись не от силы,
Ибо слабостью стал грех.
Цель гигантов – стать Богом,
И же синий тот гигант
Стал последним из богов,
Что-де слабости признал.
И тогда человеки жили:
Было славно, войн-де нет,
И смирился же гигант тот:
Тот гигант, что монстром был;
Он смирился подвиженьем:
Подвиг славен был его,
И когда гиганты долго
Премещаются без зуд,
Те зуды есть очинанья,
И со них злобы их ползут:
Ведь, когда, оставшись долго:
Во горе... оставшись, он,
Нарочитыми трудами
Подавил в себе ту сласть:
Сласть была, конечно, силой,
И слабел гигант сильней:
С каждым днём его массивы
Испарялись. Для людей
Все дела те славны были,
Ибо страх во деревнях
Огасал, случил гигант же
Во людских работах власть.
Власть, случившаяся родом,
Им была упразднена:
И гигант работал. Долго.
И гигант всем помогал.
И гиганта глас был верен,

Ведь во всех речах его
Были только сладки песни,
Хоть и был он великан.

Синий Гигант имел рост во сто двенадцать метров, цвета был скорее ревностно отмечающего прочные заблуждения представлявших ото легенд его язвенным пёстрым уродцем бледно-василькового, а кожа всегда владела довольно грубой шероховатостью наждачных камней; перемещался Синий Гигант очень медленно за тем ещё, что во времена условного бездействия он мог не двигаться месяцами: так, он вовсе не имел никаких способностей, довольствующих начинания его во должных привычках быта гиганта: Синий Гигант был скорее нелеп и излишен, чем полезен, однако человек, видя подобное, всегда оперво становится наблюдателем великого, и великое это помогало продолжаться работе приличной. Можно подумать, как и подумалось сперва людям с Востока, что подобные силы будут полезны и удобны, однако представляли они, видимо, только силу, совершенно забыв, что обыкновенные тропы не могут быть применены к его шагу, леса всё же оказались слишком тяжелы ко перемещениям в том: так, Гигант много разрушил и даже значительное число людей случайно убил самую неприглядную случайно неловкостью расплющивания в блин, дребезжания головок их во долго сходящиеся с ног его, колючие пустыми иглами костей мяса, производящую, несмотря на свою нелепость, самые тяжёлые трупностью холодеющих взгляданиями утыренных глаз ко омраку несменяемой темноты опадшегося осознаний произошедшего чувства. Гораздо применимее, что ещё пришлось довольно долго доказывать одля признания того после бывших смертей, оказались способности Синего Гиганта как оратора и певца: существо, созданное из греха и во грехе родителей своих, прекраснее всего управлялось со гласом, остающимся, несмотря на свою невысоту, крайнюю сладкостью ко иногда и довольно притязательным ушам людей, и во том не было притворства или прихлебательства со стороны совершенно крошечных, стеневающих надолжностями невластей освоих стер озданий ко крайней пугающей незначительности во сравнении со Синим Гигантом, да даже самые больные безверные скептики во итогах слушали его со невероятным трепетом отношения ко тому изумлением: Синий Гигант был великим учителем и человеком.

Хрустящие несырыми рыхлостями небрежно скатывающейся малочисленными комками неправильной формы земли овевающиеся наместностями совычающихся обыкновенно довольственностью хотне ставшего изрядностями вотвердевших причинённостями лёгкостей оплывающихся ветрами узревшихся поверхностями накреневающих отостранённостями восставшихся скомканностью небрежных красок вопрочних же становляний отех улиц влияний становляний хладов небес начинаний планы

влечаний зелёные лепестки травы спекались овешностями условнеющихся водовольностями накрённых очастностию сменяющейся безедятельною дымкою вокругних-де несменений действительности особлений кажений, и коченели под сворачивающим внешностию останавлиний тоих слабостей жаром земли, и деревья одеялись жирами смол своих вязких, и всё текло во том, и мир окружался в спокойствие, однако во то спокойствие, что необходимо было лишь оказанию достаточности наставляющегося обыкновенно единственно одля наказания того.

Иозрен родился от благочестивых родителей, и первые годы жизни своей прожил в совершенной нищете: точнее, социальный аспект в том возрасте интересовал его в меньшей степени, ибо движим он был исключительно голодом, и во гладах этих Иозрен всё же рос: всем было ясно ещё при младенчестве его, что ребёнок этот необычен. Когда Иозрен рос: точнее, во мгновения, что наступали враз примерно при неделе, ребёнок насыщал сосуды свои горячую вязкой крови, и всем казалось, будто он рос, хотя достоверного доказательства тому не было, и дело могло сходиться совершенно иначе. Довольно жирные при обыкновении, отчего при отрочестве он будет страдать гниениями кож, ткани вношние его сдерживали восстающие спиралевидными кругами циклы греденеющихся серениями наставленных довольственностями зреенеющихся очуждностями прав и вонеобходимостей тоих при подобности смечеющегося начастностями душеотданий тоих стона приличий ославлений воздушных: спарения или дым со кож его причинялись особливою загадочностию ещё при младенчестве, и потому в деревне его окрестили наследником воли Синего Гиганта, опринятого здесь божком или почитаемым Господом созданием: тогда это было, когда в Господа ещё верил кто-то, когда хоть знал о нём кто-то, окромя Владимира-Иоанна. Восток населён был чрезвычайно густыми, пребывающимися со вязкими человекожорными частыми болотами лесами, и в одном из лесов этих жил Иозрен: деревня называлась сперва Ступеною, а после – Иозренщею.

Рос Иозрен чрезвычайно быстро, и уже во шестилетие своё он настиг роста взрослого мужчины, хотя более Иозрен не становился выше: к шести годам ребёнок был чрезвычайно худ, и явно необычный рост его становился причиной возникновения мыслей о воли Гиганта и о том, является ли вовсе Иозрен человеком, поскольку слишком многое говорило в нём о довольной неестественности природ его: к восьми годам он врос в ширину так, что в Иозренще уже не было мужчины сильнее, и к тому моменту окончательно сформировалась овиция, становящая целью своею убиение родителей Иозрена как договорившихся с первыми гигантами, уничтожившими треть человечества и низвергнувшими земли во бездны, тем значительно изменив и сами рельефы земные, и с того: с того момента именно понимаемое под Землёю превратилось в плоскость земель, позволяющих и тысячекилометровую

воданностию освобождать ямы и верха. Когда овиция сформировалась, Иозренце уже накрелась Спасом, и Иозрен, развивавшийся к тому моменту и значительностями ума, знал про заговор. Восемилетний безбрадый Иозрен во росты ста девяноста сантиметров и весом во сто одиннадцать килограммов шёл по лесу. Обыкновенно горячие солнцами незабываемых навечностями осияний своих дел палений места эти жирели особенною темнотою: темнотою, не схожею с ночью, и во темноте этой, кажется, Иозрен видел дымки крошечных, оплошающихся согрублениями пустот овнешних фиолетовых крестиков, напыляющихся произвольностями пропаданий во единственности находений мест тех уже довольно нервно треплющимися ко напалениям одно усиливающих ясности колючести гусиных кож ребёнка прохлад глазами Иозрена: трава хлюпала непрестанною тяжестью сил, и что-то подталкивало его: что-то подталкивало его, хотя знал Иозрен, что деяния и силы его созданы не для того: он знал, но продолжал идти. Та часть Спаса, что отделяла дома иозреновы и дом, где в день этот заговорщики решили собраться с ножами, была заявлена негустым робким леском, что в ночь сейчашнюю показалось Иозрену зеленоватою гулкою вязью болота, и приходились безобразными бурдовыми уродцами видящиеся во чернениях неночной темноты крупные тревожные, воставленные тонкостями сосудов глаза во галлюцинациях его самыми ужасными снятными конскими, бултыхающимися во частотностях овящих невочастностями древенений тех оторопений ставеющего хождения Иозрена вопля криков рожами: Иозрену было страшно, и фиолетовые невидимые крестики всё чаще ударяли в вены его, отчего причинялись ногам его порезы, и во выходах из леса потерял он одежды порезами этими. Лишённый влас Иозрен вышел из леса, и лёгкости ночного света поглаживали ослабшие плоти его, и становился Иозрен всё смелее: вновь он обретал решимость, и вновь руки его наполнялись готовностями ко сражению, хотя и решить всё он хотел привычными, только чуть колеблющимися успокоившимися явления бетонов отех мирностями. Непродолжительным оступлением он попытался нащупать во происходящем хоть сравнительную краснениями сил своих последовательность, да почти сразу идея та была отброшена, и восьмилетний мужчина взял бревно, остящееся сразу при реке, впадающей в озеро, настилающееся восставленным ко овышаниям небес домом, где были заговорщики. Для Иозрена они все были хорошо знакомыми людьми, и некогда даже приходилось ему обниматься с ними, да справедливый герою гнев за желание погубить родителей его окончательно лишил людей этих для него имён: теперь все они были ему врагами. Подняв колючее чёрное, растящееся во свершениях своих несухими твёрдыми кольями бревно, Иозрен сделал два шага, давшие ему особенно тяжело, и дом, увиденный во крайней близости ко лесу, из которого вышел Иозрен, возбудил в нём совершенное нежелание свершать излишние достаточностию нынешних шагов усердия, отчего несколько нелепою

травмоопасною грубостью спины он завёл бревно за голову и, водышав наконец, кажется, действительною осязаемостью нормального своей неясностию, долбанул им по дому: тупизна приходящегося рокотами страшных раскатов сил удара раскрошила два бревна над окном, огранённым деревянными белёсыми узористыми, привелёнными морщинистостью старения давно требующих обновление красок контурами и и разлетевшегося сверкнувшими во овсе стороны осколками, частию своею срезавшими кожи и мышцы Иозрена. Мужчина ещё держал гигантское, осознанное таковым одно во нонешнестих причинаний отех болей телесных его бревно, и вид разможжённого под силою бревна его тела одного из заговорщиков, стоящих ближе к окну, своими кукурузными белыми хрящиками, обливаемыми сальфериновостями руд, нисколько не приостановил отупевшие страхом умы его: осками сходного же страха заговорщики блеснули металлическими искрами длинных, начинённых свободно прешевеливающимися шарами ножей своими, и в темноте происходящее казалось столь неосязаемым, что и хрупкости тел действующих терялись, и Иозрен уже смирился со смертью своей, когда во фиолетовых туманах люди, назвавшие Ступеню Иозренцею и переименовавшие после Иозренцею во Спас, были раскрошены своими плещущимися глухотами ужасов, насевшихся ко могильным серениям цветов во жизни Иозрена: ещё трижды омахав бревном тем и осадив уже мёртвые тела заговорщиков на чёрные, будто сменяющиеся извилистостью ониксов своих суки бревна, он оплыл во крови, и кровь жертв его настала блестящим ужасным ониксом. Иозрен, стоящий глумливо охрустывающимися дыханиями во камнях крови заговорщиков, краткою произвольностью совершённого случая могильным хладом, остывшимися монструозными влечинностями обликов отне стен тех глазами своими уставился на двух последних заговорщиков: один из них, дрожащий и уже давно сметнувший потускневшею слезою нож свой, медленною кропотливостью страха придвигался к углу, когда второй, нарочитою повелённостью гласов ненавистей, страха и утвержденностию во правоте своей отне палений ненастоящестий Иозрена во умах его скрепивший содравший мясистый шмат кож его мозолистых нож во руке, побежал ко Иозрену, и удивительною скоростью сбежал тот к Иозрену, будто и ставши оздесь ненадобностию влияний ног своих, да во огласившейся бурдовостию черноте Иозрен поднял руку и будто только чуть приостановил заговорщика, схваченностию рукой мужчины шеи схрустнувши зычными, содубеющими во наклечностях потов сверений настоящих ударами: нависший сломанной шеей своей на руке восьмилетнего человек, желавший стать убийцей, выблевал жирные рвоты маслянистых шлейфов будто стянувшейся и здесь во плотные органы его крови: ещё горячий праздностию навечения греха человек упал, и Иозрен пошёл ко последнему заговорщику, возжелав употребить его свидетелем виновности заговорщиков во резне этой, да дрожащими колыханиями рук своих он подполз во стояниях Иозрена ко ножу,

и нож его глухим плевком порвал горло его, застряв в атланте, и отупели тут же смертью разошедшиеся во противоположности свои глаза его, и тупыми хорами означилась невозможность Иозрена доказать хоть ту невиновность свою, к которой он во безумии этом прикрепился и которая единственно двигала им. Путь до дома Иозрен не видел, ибо прозначные белёсости застилали глаза его, и тихими глухими шагами, приходящимися ко скрипящему ожиданиями родителей дому, он свернул к мосту, когда из сточающей происходящими теперь открытостями представляющей приятный добрый лик мамы двери комнаты вышли родители его, и тогда: тогда родители поверили, что ребёнок их был дьяволом: тогда упросил отец бежать мать в окно, и частые торопливые стуки шагов её во молчаливой бездвижности Иозрена закончились хрустами стекла: мать Иозрена, прыгнувшая в окно, застряла во вторых стёклах и распорола себе дёрнувшийся падениями кишок живот: во сблювывающих кислоты омешавшейся со кровью желчи воплях матери отец воскричал, прибежал ко ножу на кухне и направился к мосту, где ещё открытая дверь разделяла его, возненавидевшего своего сына во мгновение, и сына, погубившего одиннадцать человек ясною случайностью. Иозрен плакал, и лицо его приняло облик идиотизма: разошедшиеся, повторяющие синеватости гневного продолжениями Власа трупа глаза его представились обличающею желтизну зубов улыбкою, и бежал отец во слезах ко сыну своему, и его тяжёлые, казавшиеся когда-то Иозрену такими сильными, такими умелыми во их жилистой стройности руки Иозрен сорвал ударом одним, снёсшим стену слева и убившим одним потоком сил тоих отца Иозрена. Мир Иозрена почернел, и с тем дым, что сходил с него, стал гуще и острее. Иозрен стал скитаться по Востоку, и забрал он тогда со Спаса бревно то, коим погубил заговорщиков, и вырвал он землю подо домом, где убил родителей, и использовал землю ту как щит. Иозрен скитался по Востоку, и ничто не могло пожрать величины боли его, и искал он хоть что-то, что могло ему противостоять, и во двенадцати годах скитания он резал нескончаемыми ударами бревна своего горы, и во пять лет покрылись тела его преливающимися, будто премещающимися овсегда твёрдыми ониксами плотными каменениями оперламутровевшихся сияний, и покрылись теми ониксами гигантские щит и бревно, что срослись со телом его: лицо его осталось недвижною чёрною, пребывающею радужными узорениями звёзд маскою, во которой не было видно глаз, и доспехи, что выросли вокруг него, источали ещё более густой и острый дым: Иозрена прозвали Ониксом Чёрного Дыма, и страшились его все, хотя за всё время это никого он не погубил во настоящих доброте и обходимости удовлетворяний глада своего. После гор стал Иозрен искать новое, что справедливо было противостоянию ему, и первые создания, что смогли ожить подобною полноценностью во Первом Восточном материке, жгоны, были Иозреном почти полностью истреблены. Жгоны есть гигантские, чуть возеленевшиеся зубиями хвостов своих, что те

выпускают конусами приставшихся окружениями язвующихся шипов ртов своих, полагающихся на вершинах, черви, что сделялись ко Синему Гиганту и были земляядны белёсостию проткнувшихся частостию жаров пуповин: точнее, землю они скорее обновляли зелёно-голубыми рвами отдельных вокопов, отчего были, несмотря на свой облик, вперяющий маски лиц человеческих галлюцинациями запахов своих во причинаниях песен отех рыл, совершенно безобидны. Оникс, простиравший вокруг себя всегда приставляющиеся самостию несдержанности на сотни метров туманы не позволяющего дышать в нём дыма, жадными ударами, воображающими во землях рвы, рыл ко жгонам, и жгонов, не могущих издать звука и колеющихся во судорогах боли и нежелании отвечать встречностию боли, он драл и жрал бревном своим, онзившим на суках мечи, и убил он последнего, как думал, жгона, незаинтересованностию своею оставив только совсем крошечного, воинственного во нутрях своих сокрытых, подобных сокрытостию добра во Иозрене, Жегона, что упрятался во земле и не был схож с прежними соперниками Оникса. Когда расправился Оникс со жгонами, он направился ко Синему Гиганту, молчаливою лёгкостию ставшему для людей спасителем.

Родились Красный и Зелёный Гиганты. Во Севере, где родились новые гиганты, половина чудовищ местных пала огрязениями приращений, а Красный и Зелёный Гиганты стали первыми гигантами-химерами, и гиганты эти знали всё о других гигантах, ибо также владели умом гиганта, как первые, вторые и третьи поколениями своими гиганты.

Красный гигант, полагающийся теперь вдвое кратче Зелёного и втрое боле Синего, имел оместо человекоподобных ног крылья, слёгшиеся со временем тяжёлыми влажными дубинами, которые он вязкостями крошений камней и древ передвигал по стоящейся тем глубинами плещущихся водовленностями тел нарывов земле, и мясистые, окрывшиеся гноями крылья эти нарастали оверх камнями, и на камнях тех строились тремя исполинами дома, и во домах этих жили три исполина. Глава Красного была довольно обыкновенна за тем только исключением, что схожа с человеческой, да лишённой мышц: впавшиеся костлявою остаточностию тонких, просвечивающих краткими тенями согнившиеся часто зубы кож вокрывали острые, сходящие Красного со мертвецом дырами во должностях щёк скулы, и глаза же его маленькие: маленькие чёрные глаза его прикрывались плёнками бежеватых, смешивающихся со краснотами полосатых морщинистых резей впадания впитавшихся во него кровей слоёв, и во месте, где у человека полагался атлант, с него рос твёрдо стоящий ко верхам змиевый хвост, будто освечивающий на сторонениях лиц своих нечутко оставшие ко применённости ко нему конечности, и выше крыльев было истощённое худостями тело его, хотя и руки распластывались размерами немалых деревень, и окрывали крылья его деревни, и язвы, во которых он шёл, всегда наживались красною, подобною чуть более тёмным оттенком

ко цвету кож его пеною, что при приближениях гиганта издавали громогласное напарениями особенных ужасов приближений Ужаса шипение.

Зелёный Гигант был во рост семьсот метров, и лапы он имел кроличьи, безщёстные ововичностями скопившихся рубцеватостями надений ран: лицо его было совершенно схоже со человеческим, хотя и холодело трупностию кукольной безвижности, чернота которой гудящими опьянениями паялилась во лица жертв своих; одна рука гиганта была коллосальным, продлившимся во длины тела своего змиевым, рябым осколками приходящимся овне крючками чуть золотеющихся болотностями начинаний мечей игл хвостом, другая же рука был означена внешне хрупкою, стонущею оскорениями надоложившихся востями ударяющих самих себя накренеющимся во чрезвычайности громогласных воплей приближения его Щёлканьем щеплей веданий шеею оставшего чернениями проявляющихся иногда зеленений сосудов, нагревающих лысые плотия те, Антрацитового Лебедя Пожрания, и был Зелёный гигант окрыт местами длинными, свисающими твёрдостью укрепления во лицах, наконееющих плотии те, перьями, и чёрные перья те были столь редки, что порой и вовсе осходились со мелкими неуместными краткими, продолжающими вопяния навевевшихся опотливою речностью вони гиганта стен наростами. Зелёный гигант был гораздо больше и сильнее Красного, хотя и не выделялся тоею кровожадностью, с которой Красный истреблял исполинов и чудовищ Севера: Красный был дёрганным, неконтролируемым, вопящим и будто сорванным, и именно его явления боялись во Севере, ибо никогда он не останавливался во нарывах стремеющих удары непрерывными скоростями ужаса рук своих убивать он бесцельно и жестоко, и женские писклявые окрики, которыми он срывал деревья, сочились жилами во морях крови, во которых Красный любил плескаться, хотя плескания те и были схожи скорее с продолжениями тех бессмысленных непрекращающих ударов худых гигантских рук его во влагах моря. Зелёный Гигант оставался Ужасом: его медленные, неизмеримо более могущественные тела представляли хаос, медленно приближающийся к существу и разрывающий его даже безо прочного основания или качественного различия: Зелёный гигант был тем, кто переходил бывшее ранее океаном и оставлял за собой горячий шлейф довлеющего осушаниями во горячих наличностях его уничтожения во хождениях лениво перебирающимися кроличьими лапами своими. Так, гиганты направились ко Первому Восточному материку, целью своей ставя одно воссоединение с Синим Гигантом, во котором они чувствовали слабость, покрываемую звериною теплотою родственности.

Оникс опалаял уже горячими туманами своими все земли, где был он, и туман чувствовал за него, и туман за него думал: он знал, где находится гигант, и во прыжках своих километровых он за час добрался до того.

Синий Гигант, смиренным сидением поющий смелым добрым людям правду и спасение, истину, которою он не мог воспользоваться, ибо был гигантом, свой нечеловеческий, смешной карикатурною схематичностью облик лица направлял к тем, кто подходил ко горе, отстоящей к его стороне, и впервые тогда за многие века Синий Гигант несвойственно себе теперь резкостью действительных же аккуратностей предельных встал, тем уронив на десяток метров внимательно слушающих его, даже теперь доверяющих Синему людей, да гигант не успел: Оникс, блеснувший пременяющеюся темнотою орудия своего, срубил руку гиганту онемением невозможности его движения, и кинул Оникс в Синего щит свой гигантский, и отлетел гигант сильно, и его испуганные, пришедшиеся чернотою бесчувственной бездны глаза смотрели не на восставшего во гласах людей таковым героя, но на людей, что слушали его: людей, которых он решился спасти чувством приближающейся смерти, и место, где раньше сидели люди, внимательно доверительно кроткостью слушающие его и верящие ему, не было более, а была на том мясная бурдовая лужа, гурдяною массивностью своею скатывающаяся шлепками ко самому низу горы: два чёрных круга, коими представлялись глаза гиганта, обернулись дугою, и отчаяние породилось на лице его, и тогда впервые во слезах его настала Бездна Света, что позже, в заточении, он будет применять во скорби своей и славе погибшим, и заплакал гигант сокрушительностью Первого Западного материка, и продолжался плач гиганта год, на протяжении которого не могли Красный и Зелёный Гиганты подойти к нему, и чрез год окончился плач его, и весь материк Востока обернулся пепельною пустынею, во которой Жегон, питавшийся всё время то пеплами мира, которые вопалаял Синий, обрёл человеческую бездвижную рожу и гигантскую руку, сходною излишнестию превешивания остального тела теперь со Зелёным Гигантом, и остановился Синий Гигант тогда, когда почувствовал, что Оникс может умереть: тогда снялись ониксовые брони его, и бывший прежде Ониксом Рваньё обличался дымящимся частностями парений своих во воздухе чёрным скелетом, случайно пременяющим формы и массы своим криками страданий и скорбей по родителям, и беззвучными истошностями тот напал на Синего, и начал Рваньё рвать его и жевать костями теми, и ничего не говорил и не делал Синий Гигант, ибо был он во печали и скорби, и рвал его Рваньё, и ко виду этому пришли Гиганты, и смотрели они, как Рваньё рвёт Синего Гиганта, одного из первых гигантов, того гиганта, что мог единолично обратить все земли во пепел.

Тогда появился здесь Белый Гигант.

В Присны Дети осреди Присных Детей родился Брений. Молитвы его были внимательны и сильны, однако направления не имели: Присны Дети поклонялись языческим богам, и боги эти были ложны. К сорока годам Брений совершенно истощил себя аскетизмом, который хотне таковыми единициями мог возникать во язычестве, и невысокий слабый

Брений опух глазами своими потемневшимися над землёй, и тогда решил он: раз боги обещают ему земную власть отне поклонения им, он мало становлял себя ко ритуалу и тому возвращению сил, которое он хотел и к которому стремился: язычники ослабляли себя, дабы позже обрести земную силу, и мечтал Брений о чудотворении, да за тем покрывался он только оставшимися непсами язвами, и становился он всё дурнее здоровьем, и водарил ко Брению приступ, и тогда: тогда он уверился, что труды его должны стать более, и труд тот, коли не воздастся, станет богов его богами ложными, и орыл во безвестной тишине леса земляной гроб ко земле он, и тридцать лет жрали его черви и личинки, и откусывали с него куски жира земляные животные, и оставалось от тела только недолгое тельце его прежнее, да Брений: всё время это Брений был жив: всё время он напрягал тела свои, и всё время пытался он охранить рассудок свой неизменностями трезвости, и именно это тяжелее всего было, да Брений, продолжающий жить без еды и влаг во трупениях тел своих, решил то чудом, и он ждал: он ждал, когда прогрызёт камень силы, которую он желал, и тогда со вношнейшей земли человек проткнул лопатой лицо Брения, и тогда открылась во нём прежде заросшая несправностями уваленных твёрдостями мира хрящей рана рта, ибо хотел человек вырыть могилу, и тогда пробившаяся срастаниями прежними плоть прозвучала затяжным глубоким гулом, и тогда свистнули густые комья земли ему в рот, и тогда пожрал Брений лопату и человека: стали гниющие кости его срастаться блестящей яркой плотию красной плоти, и тогда невероятно болезненны были шаги его, и Брений был рад, что чувствует он не костями или органами, но отсутствием кож: тогда пошёл Брений во совершенном умопомешательстве, ибо наконец обрёл он силу, ибо наконец дождался Брений ожидаемого и получил способность пожирать силы других; сам Брений не мог взрасти в себе силы, и потому единственною возможностью стать могущественным ему явилось пожранье сил других. Брений терял разум: сжирая слабого, он спешил ко сильному: сжирая сильного, он спешил ко сильнейшему, и во три дня Брений ни разу не остановился, с западнейшего материка преплыв ко глубинам бывшего океана и пожрав там Бегемота, после направившись ко Северу, где он жрал существо со каждым разом всё сильнее во своей значительной разности, и с тем должен был Брений дойти до главного из чудовищ Севера, чьего имени никто не знал и чей рост свершал на деле весь материк этот, да Брений опал самостию существ своих, когда во иной части земли Синий Гигант спелелял материк и остров за Западом, признанный Гладом материком: Синий Гигант спелелял материк, где жили люди, которых он любил и из-за которых случайностию развившеюся он продолжал обращать во пепел все земли Востока: Синий Гигант погубил любимых, да оставил Рваньё, бывшего тогда Ониксом. Когда во считанные секунды то произошло, Брений произошёл во гиганта, и появился Белый Гигант, павший несносимою тяжестью на Севере и не могущий сам пошевелиться: Белый Гигант всё время спелелений

Востока пытался встать, и на деле же сдерживала его не собственная тяжесть, а то, чего он не понял и что принял следствием существа действия Синего Гиганта, и тогда Белый вообще себе уничтожить Синего, того, кто помешал ему наконец быть гигантом и продолжаться во той же смелости пожрания и кто сделал его им, во какой он находился прежде. Гигант Прикованный ростом был во пятьсот тридцать семь метров, и внешность его походила на человеческую за тою только отличностию, что прозрачные белёсости форм его оборачивались человеческими мышцами без кож и органов: и пустыми чернотою отсутствия глазами Прикованный смотрел на небеса, и небеса эти были тяжелее: гораздо тяжелее беспроглядной темноты земли.

Когда Оникс превратился окончательно во Рваньё, Прикованный одним шагом допрыгнул полётом собственным ко Синему Гиганту, и через несколько минут до центра материка того явились Красный и Зелёный Гиганты.

Прикованный не останавливался и перво тишиною несвершания впитал во себя тело Рванья, за тем оставшись во непостоянностях цвета своего во чёрном узоре, тут же сошедшем ото него белёсостию снятого скальпа. Когда Рваньё перестал существовать, Синий непрестанностию продолжительности стонал пеплы плачущими глазами своими, и тогда прыгнул Прикованный в высоту: прыжок его, превысивший даже длину прыжка ко материке, был столь высок, что во прежней Земле Прикованный бы достиг космоса уже тринадцать тысяч раз, и тогда завис он на минуту во воздухе, и тогда стал он падать нескончаемою грудностию сил, и прошёл он сквозь особенно густые во день этот облака, и чернели пеплами расхождения Востока, и тогда вбил Прикованный Синего гиганта во пепел, сорвав глотки его, и тогда горели округ него звёзды камней, и: утихли те.

Когда гиганты посмотрели на Прикованного, те захотели убить его, зная, что некогда он наберётся достаточною силой, чтобы поглотить их, однако Прикованный не пошёл на Север, пообещав лукавостями гласа своего нежного Красному и Зелёному оставаться сдерживать огни Востока, пока те будут здесь полагаться. Красный и Зелёный не поняли его, ибо совершенно никакой выгоды во том ему не было, однако во реакционностях дубеющего во воздухах опавших в чёрные, спаряющиеся дымами убивающих оздесь млекопитающих самими своими шевелениями туманов частицы двух материков страха те согласились. Прикованный Гигант же, знавший уже, что поглотить он может существа только с осознанием природ тех, почти погиб, пожрав сильнейших из оставшихся во Севере после Великой Компиляции Красного и Зелёного Гигантов, и: что было гораздо опаснее ему, он пожрал сильнейшего человека: человека, что представил способностями своими верхнюю границу существа человека, далее становящегося уже иным или гигантом: теперь Прикованный задался целию изучить природу всех существ, и для того использовал он ум гиганта, способный

объединять и связывать со знаниями уже существующими, коими пользовались чаще для определения одним гигантом место оположения другого гиганта. Прикованный не стремился соблюсти условия, кои высказал Красному и Зелёному, и те знали, что Прикованный опасен, и потому пошли они остраивать во перекрасившихся во день погружения их туда чернотой пыли и мусора, наслоившихся на них за времена жизни их и нахождения во пустыни ониксовых дерущих частиц, морях стены для защит ото Прикованного, думая, что уже тогда он был опасен и страшен довольностями орушаний земных крепостей, и поднялся тогда уровень сменившегося цветом океана, и затопленными были многие града человеческие. Восстание Синего Гиганта во ответ ко Власу было последним боем прежде окормившего щедростями своими распавшего стремившихся обрести облики человеческие, те облики, что были сходны со Ониксом, представленным ими тогда не уничтожителем, но сильнейшим существом, водающим тем пример, оставляющий отдельных червелюдей со гигантскими, сострёнными крупностями ветлений своих пронзающих мечами и сказившимися гигантизмом только тянущихся ими озади, отчего те из червелюдей были особенно медленны или даже недвижны, площадей своих щитами, червя сердца его, и именно тогда Прикованный также восстал из учения и направился ко Северу и стенам Гигантов, которые разрушал он долгими веками.